

**Владимир
ШАДРИН**

«**ТОЛЬКО ТАЙНОЕ
РВЁТСЯ НАРУЖУ...»**

Снова время раскрылось,
 как книга,
Отворяя страницы беды
От монголо-татарского ига
До немецко-фашистской орды.
Это время, простуженно воя,
Протянуло страну сквозь века,
Сквозь свинцовую поступь

 конвоя,
Сквозь щерблёные зубы ЭэКа.
Протащило, с победами вместе,
По могильной своей городье
Да сложило жестокие песни
О счастливой и страшной судьбе.
И пошли беглецов вереницы,
Недовольные этой судьбой,
Чтоб ругаться уже за границей:
«Ну и чёрт бы, хромая,

 с тобой!»
Только образ страны неотступен,
Хоть клянутся:

 «Назад — ни ногой!»
«Кто там властвует:
Ленин иль Путин?»

Или, может быть, тот и другой». Только тайное рвётся наружу
Ностальгической нотой тупой,
Раздирает гармонику-душу,
Как юродивый перед толпой.
И мелькают события, лица...
«Что, Россия, ты счастлива?»

 — но
К ней счастливой нам вольно
 стремиться,
А в несчастьях любить суждено.

**Валерий
КУЗНЕЦОВ**

СТАЛИНГРАДСКАЯ МЕЛЬНИЦА

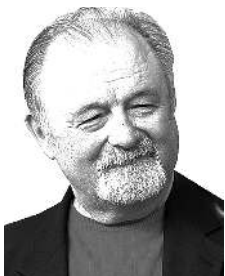
Руин страны зияет след!
Здесь всё заброшенно-велико —
И мельница на белый свет
Багровые бросает блики.

Здесь камни рваные кричат,
Стреляют тьмой её бойницы,
И красной стружкой кирпича
Исходят хладные глазницы.

Она лишь памятью жива.
Она войну перемолола —

И в прах истёрлись жернова
В работе смертного помолы!

Но чудится: в провалах окон
Войны таится пыльный кокон...

**Павел
РЫКОВ**

СОЛДАТ

Вставай, Солдат!
Пора на дембель!
За плечи «сидор» — и айда.
Домой. Там боль,
там былъ и небыль,
В колодце сладкая вода.

Там дети плещутся в речонке,
Кукушка жизни счёт ведёт.
Там белобрысая девчонка
Давным-давно тебя не ждёт.

Но смерти ждёт. Она старуха.
Ей правнук подаёт клюку.
И внучка старой громко в ухо
Кричит. А мужу-старика

Уже годов пятнадцать тризну,
Отгоревавши, отвели.
Пока, Солдат, ты за Отчизну
Лежал во тьме чужой земли.

А ты под польским Белостоком
Лежишь недвижно, неживой,
Сражённый там, в бою жестоком
Немецкой пулей разрывной.

А «благодарные» поляки —
Твой подвиг ныне не в чести —
На Память брешут, как собаки,
И памятник хотят снести.

Ужели смерть твоя напрасна,
Лишь повод для помпезных дат?
Но ночью тёмной, днём ли ясным
Молчит, молчит в ответ Солдат.

Он всё у маленькой речонки,
Где в перекате пескари.
Там с белобрысенькой девчонкой
Они любились до зари.

ГАРМОШКА

Полыхала война.
Вереница печальных известий
Потянулась с далёких полей
в наш заснеженный двор.
Но под вечер гармошка —
подруга рабочих предместий —
Заводила с людьми
переливистый свой разговор.
А тому гармонисту на вырост
гармошкины зовы,
Но парнишка старательно
пальцами жал на лады.
И сходились на звуки
печальные юные вдовы,
И, насупившись,
слёзы скрывали седые деды.

А гармошка ударит, ударит.
А гармошка завьёт-запоёт.
То печаль, то отраду подарит,
То в небесную синь позовёт.

Те года далеко,
и иные мелодии в моде.
Но когда торжествует беда,
всё вокруг захватив,
Поневоле душа вспоминает
и снова выводит
Тот нехитрый, со вздохом
протяжным, мотив.
И опять мальчуган ту
гармошечку с полки снимает
И играет, к гармошечке
ухо склонив,
И Россия опять этим звуком
заветным внимает.
И беда отступает,
надежде дорогу открыв.

**Александр
АВЕРЬЯНОВ**

БЕССОННИЦА

Ветка сирени качается,
скоро она зацветёт.
Утро давно намечается,
но что-то никак не придёт.
Солнце за тёмною звонницей
в старом окопе лежит —
тоже страдает бессонницей,
думает тоже про жизнь.

Ночью земля превращается
в поле минувших боёв.

Вот и прицел совмещается,
пуля над ухом поёт.
И письмецо не дочитано,
и холодочек в груди,
и, словно Дева пречистая,
юность — в окопной грязи.

Ночь и война не кончаются,
кто же останется цел?
Ветка сирени качается
и закрывает прицел.
Все — и живые, и мёртвые —
вот они, снова с тобой!
Их гимнастёрки потёртые
нас прикрывают бронёй!..

...Ветка сирени качается,
утро давно намечается.

**Тамара
ШАБАРИНА**

ПОБЕДА

Не минул солдата
осколок фугасный.
Награда за то,
что он шёл впереди.
И кровь его
финишной
ленточкой
красной

рвалась
на ещё трепетавшей
груди.
И чад парусил
из побитого дзота:
Здесь ворон Икара
пометил версту.
Солдат не осилил
Олимпа высоты,
но он
безымянную
взял высоту!

Павел КОЖЕВНИКОВ

А НАЗАВТРА КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...

— Ты живой, Георг?
— Живой я, Саня.
— Эй, Ахмет, а ты чего притих?
— Ничего, я, братцы,
 слегка ранен,
Вот Олежка, белорус, убит.

Помолчали, горькую испили,
Капитан в бинокль посмотрел:
— На сегодня всё, отмолотили,
Отдыхайте, кончился обстрел.
— Да какой там отдыхайте,
 скажешь!

Знаем, скоро кончится война.
Наиграй, Арамка,
 Санька спляшет,
Эх, сейчас бы нашего вина!

— Нет, Георгий,
 мне б сейчас молодку,
Ну, а ты, Абрам, чего молчишь?
— Грустно, Саня,
 мне плесни-ка водку,
Тост хочу сказать от всей души.

Я хочу, чтобы была последней
Эта распроклятая война,
Чтобы наконец-то во Вселенной
Наступила мира тишина.

Чтобы только создали руки,
Чтобы в мире не было рабов,
Чтобы будущие дети, внуки
Поминали нас, отцов, дедов...

Выпили опять и помолчали,
В роще соловей запел — весна!
«Тигры» впереди ещё пылали...
А назавтра кончилась война.

ПОДВИГ ОТЦА

*Мы у отцов не всё спросили,
Когда они живыми были ...*

Наш отец был простым
 человеком,
О войне не любил говорить,
Хоть порой отставал он от века,
Но умел отец жить и любить.

Что мы знали о нём, о солдате?
Только то, что он «там» воевал,
Ордена лишь носил на параде,
Интервью никому не давал.

...Я читаю листок пожелтевший —
Страшный отзвук

Великой войны:

Батальон, у деревни засевавший,
Мой отец с ПТР у сосны.

Вот отбили атаку пехоты,
Не успели солдаты вздохнуть,
«Приготовиться, танки!» —
комроты
Закричал и пригнулся чуть-чуть.

Танки нагло гарцуются строем,
Страшен грохот снарядов и мин,
И осталась лишь горстка героев
Против тех сатанинских машин.

«Ну, стреляй же,
бери чуть пониже!» —
Лейтенант, весь в крови,
приказал.
«Подожду, подойдут пусть
поближе!»
Подождал и курок зло нажал.

Выстрел, дым и отдача затвора,
Но крепка у «пантеры» броня,
И ружьё заряжает он снова,
Всех конструкторов матом кляня.

Прёт «пантера» и словно смеётся
Над солдатом российским она,
Над окопами смертушка вьётся,
Да гогочет в разрывах война.

Вновь прицел, и курок
щёлкнул сухо,
Танк запнулся, взорвался, горит!
«Посмотри, он пылает,
братуха!» —
Но молчит лейтенантик, убит!

А Григорий опять заряжает
И стреляет по танкам другим,

Испугался фашистик, тикает,
Оказался он, гад, одолим!

И впервые ура прокричали
Те солдаты, остался кто жив,
Просветлели российские дали,
И развеялся вражеский миф,

Что никто их побить не сумеет,
Ведь Европу скрутили они,
И Григорий отсчёт начинает
Повреждённой немецкой брони.

...Я читаю листок пожелтевший —
Страшный отзвук

Великой войны:

Батальон, у деревни засевавший,
Мой отец с ПТР у сосны...

Вячеслав МОИСЕЕВ

ТЫЛ

А на войне отца в тот день убили,
Перечеркнула кровь

седой висок...

Его мальчишки ёршиков удили
И складывали рыбу на песок.

Его жена весь день
топила баню,
Покуда выпал редкий выходной,

Чтоб вымыть пацанов
и бабу Таню,
А после всласть попариться
одной.

И лишь на миг,
подняв немой рукою
Ведро, в котором прыгала вода,
Она вдруг замерла,
поняв с тоскою,
Что завершилось всё и навсегда.

ДЕДУШКА, ВЕРНИСЬ!

В светлый день Великой Победы
Достаю твои ордена и медали,
Сыну говорю: «Смотри и ведай.
Помнишь, за что их прадеду
дали?
За то, что он шёл вперёд,
а не вниз».
Сын кивает, видать, понимает.
А меня ночами тоска поднимает:
— Дедушка, вернись!

Перед смертью ты спросил меня:
«Славик, это что ж за напасть —
Куда подевалась советская
власть?
Почему коммунисты слетели
с коня?»

Тебе вручили партбилет
под залпы гаубиц,
И я не мог разъяснить тебе, дед:
Как сумела та партия спустя
сорок лет
И страну, и себя загубить.

Это ты, мой дедушка,
был мастак
Объяснять, что добро, что зло.
Кто на свете дурак, а кто — так.
Словом, с дедом мне повезло.

Лишь на твоих похоронах
я узнал,
Как твоего отца, прадеда моего,
Чуть не грохнул НКВД, едва его
Не послал на Беломорканал.

Не люблю никакую лесть,
Не вхожу в партийный проём,
Просто знаю, что дедушка есть
И я есть наследник при нём.
Как бы ни было худо — окстись!
Родина убогая?
Не трогай, а!
Деда попроси рассказать
про жизнь...
— Дедушка, вернись!

Алексей ХАЛЬЗУНОВ

ТАНЦПЛОЩАДКА

*«Puo-Puta! Puo-Puta!» —
вертится фокстрот.
На площадке танцевальной
сорок первый год...*

Г. Шпаликов

Старый парк за неделю отвык
от народа,
а сегодня и яблоку нету здесь
места.
Танцплощадка — направо,
у самого входа,

тихо кружатся пары под звуки
оркестра.
Как легко нас сближает сплетенье
мелодий,
словно целую жизнь у же
с вами мы рядом.
Только больше всего говорим
о погоде.
А о чём же другом говорить
ещё надо?
Дирижёр от работы своей
в упоении,
музыканты играют с душой
и старанием.
Ах, как жаль, ничего мы
не знаем заранее,
полной грудью вдыхая лишь
запах сирени.
Вальс ведёт нас по кругу.
Какое везенье,
что нам выпала встреча
на эту субботу!
Завтра ждёт нас опять
выходной — воскресенье,
и не нужно с утра убегать
на работу.
Нам подарена тёплая эта погода,
нам подарен судьбой
этот сказочный вечер!
Ваши руки ко мне опустились
на плечи...
Танцплощадка...
Июнь сорок первого года...

МАРШ ПОГИБШИХ ТАНКИСТОВ

Через огонь и дым густой —
в броне, без кожи —
мы катим к Богу на постой.
Встречай нас, Боже!

Пускай архангел Михаил
заполнит бланки
на тех, кто жизнь недолюбил, —
сгоревших в танке.

По небу гусениц следы.
Отставить — пропуск!
Мы едем в райские сады,
в бессрочный отпуск.

Попали души в невода —
ушли без шума...
Нам было весело тогда —
за час до штурма.

Уже вернуться не суметь
в покой вчерашний
из дня, где с крыш плевала
смерть
свинцом на башни.

Прорвёмся проливным дождём
к любимым нашим,
пока по облаку идём
походным маршем.

Тем, кто ещё не воевал
в год високосный,
не рассказать нам, как Цхинвал
похож на Грозный!

Утрите слёзы у невест —
пусть помнят тоже:
на всех у Бога хватит мест...
Спаси вас, Боже!

БАЛЛАДА О НАЧИТАННЫХ МАЛЬЧИКАХ

*Памяти студентов и школьников,
павших в рядах московского ополчения
в декабре 1941 года*

В окнах — солнечные зайчики.
Вижу, словно наяву,
как начитанные мальчишки
уходили на войну...
Ни веков, ни дней течения
не прочувствуют собой

и в московском ополчении
на рассвете примут бой.
Плачут ивы в иступлении,
только, как ни голоси, —
все победы с отступления
начинались на Руси!
В окнах солнечные зайчики
кувыркаются опять.
Но начитанные мальчишки
повернули танки вспять.
Детвора играет в мячики.
Их весёлый слышен стук,
где начитанные мальчишки
стали каменными вдруг.

**Виталий
МОЛЧАНОВ**

ЗОРЬКА

— Зорька, жить бы да жить, не тужа,
Пить росу луговую с восходом...
В топкой памяти тонет душа
Рядового, не знавшего брода.

Лошадиная жизнь — не пустяк,
На войне бьются люди и кони.
— Зорька, Зоренька, рядом приляг,
Бок твой тёплый согреет ладони.

Помнишь, как жеребёнком
смешным
Вслед за мамкой неслась
по просёлку?
...Над болотом по-прежнему дым
Застит гать, как зимою позёмка.

Мрак сплошной — не увидишь
ни зги.
Только Зоренька пятнышком
рыжим
От контузии лечит мозги,
И бывшее становится ближе:

Пулемёта прерывистый стук,
Нарастающий грохот бомбёжки.
— Выручай же, каурая, вдруг
Смерть обгонят уставшие ножки!

В пристяжных то тяни, то вези.
Отступая, кормили поплоше...
Был он вынут из вязкой грязи,
И оставлена мёртвая лошадь.

Сберегла, заслонив от войны
Исхудавшим, израненным телом.
Отражение ржавой луны
Ряска с тиной впитали несмело.

Жизнь — к закату, война далека,
Тонешь в памяти топкой и горькой,
Но внезапно коснётся рука
Бока лошади: «Зоренька, Зорька».

**ЮРИЙ
ОРЯБИНСКИЙ**

ПОБЛАЖКА РОТНОГО

Уступом влево и уступом вправо
Мы штурмовали ротой высоту.
Бежали цепи, будто на забаву,
Отплёвываясь гнусом на ходу.

Ученья эти впрямь напоминали
Нам игры полудетские «в войну»,
Товарищи по взводу не стонали,
И взрывы не кромсали тишину.

На высоте в захваченных
траншеях
К исходу часа был окончен
«бой».

И, от натуги надувая шеи,
Скомандовали взводные:
— Отбой! —

И гнус болотный, ошалев
от крови,
Дырявил шею и впивался в лоб.
А предстояло ещё в полный
профиль
Нам выкопать на каждого окоп.

Но ротный вдруг, привычке
изменяя,
Сказал, свою употребляя власть:
— Рытьё окопов нынче отменяю,
Я сам в войну их накопался
власть.

Мне вам поблажек делать
не пристало,
Но правило на фронте таково:
Захочешь жить —
зароешься и в скалы,
Не хочешь — закопают самого. —

Забуду в жизни многое, но память
Ту истину майорскую хранит,
Как будто сам я зарываюсь
в камень,
И малая сапёрная звенит.

